

12 ИЮЛ 1983

г. Кишинев

Газета №

«МОЛОДЕЖЬ МОЛДАВИИ»

12 июля 1983 г.

УЖЕ в школьные годы для многих любимым поэтом становится Маяковский. С его стихами мы входим в жизнь, ему подражаем. Да и может ли быть иначе! Ведь именно он обращается к нам из легендарных первых лет революции: Слушайте, товарищи потомки, агитатора, горланат-главаря. Заглуша поэзии потоки, я шагну через лирические томики, как живой с живыми говоря.

В студенческие годы, когда на одной из лекций произошел разговор о сложных перипетиях жизни и творчества Пушкина в Петербурге по окончании им лицей, я впервые задумался о том, что трудно судить о поэте, не зная, в какой обстановке он жил и творил. И тут же пришли на память чеканные строки Маяковского. Какой гражданский подвиг он совершил, прежде чем обратился к каждому из нас: «Я к вам приду в коммунистическое далекое...» Это «далеко» — в его понима-

нец промерзшей очереди, идущей за гробом. Отсюда он вынес «Комсомольскую» с эпиграфом «Смерть — не смей!» Отсюда он вынес эти бессмертные строки:

Ленин — жил.
Ленин — жив.
Ленин — будет жить.

Отсюда он сам шагнул в бессмертие, заявив в поэме «Владимир Ильич Ленин»: «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз. Сильнее и чище нельзя причаститься великому чувству по имени — класс!»

Случилось так, что истину этих слов ему пришлось доказывать в неимоверной борьбе, длившейся всю жизнь. И многое из того, что было пережито в этой тяжелой драме, безмолвно хранит еще один свидетель — «комната-лодочка».

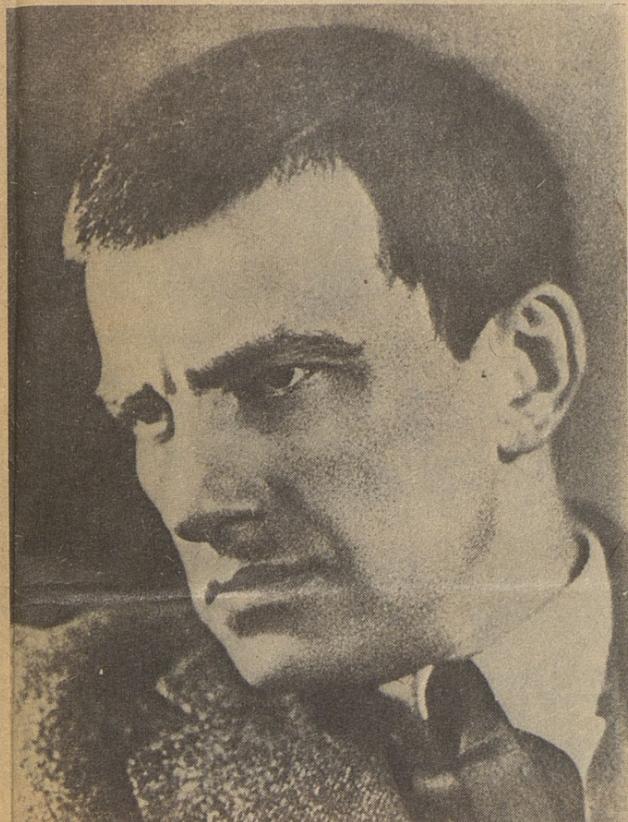
В АВГУСТЕ 1926 года в этой комнатке Маяковский читал в кругу друзей свою программную вещь «Как делать стихи?». К этой

время отнимала работа в «Комсомольской правде», и новая программная вещь — поэма «Хорошо!» писалась, как заметил впоследствии поэт, сверхурочно. Чтобы подолгу, в постели не нежиться, он подкладывал себе под голову полено. Вставал очень рано. Перечитывал, правил все написанное за ночь и мчался в «Комсомолку», где его ждали со стихами на злободневномолодежные темы.

20 сентября 1927 года в этой же комнатке состоялось первое чтение поэмы. Публики было много — человек тридцать. Сидели на подоконниках, толпились в узкой передней, небольшой столовой. Обсуждение было шумным. Мнения разошлись. Единственный, кто сразу восторженно отнесся к новой поэме, посвященной десятой годовщине Октября, был Луначарский.

— Это Октябрьская революция, отлитая в бронзу, — сказал он.

Его меткая формула получила подтверждение 18 октября на первом публичном чтении поэмы для партийного актива. В отчете «Рабочей Москвы» отмечалось: «В течение полуто-

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО

«...КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ ГОВОРЯ»

ни имело четко обозначенную дату: 12 мая 1979 года.

ДВА года спустя после того, как эта дата слетела с календаря, нам, группе журналистов из молодежных газет страны, находившимся в Москве, стало известно, что в музее Маяковского состоится вечер, посвященный поэту, и что в нем примут участие те, кто входил в молодежные бригады Маяковского и лично знал его в последние годы жизни.

Естественно, мы, не раздумывая, поспешили на эту встречу.

Дело было зимой. Стоял мороз. И мы, выскочив из метро, буквально влетели в гранитный парадный подъезд музея. Экспонатов было много. И каких! Первый сборник стихов поэта «Я». Первое издание «Облака в штанах». Спартанские рубки Маяковского первые советские плакаты, удостоенные премии в Париже. Первая и трагическая любовь к Марье Денисовой...

Не в тот вечер самое большое впечатление произвели мемориальная комната поэта и все, что говорилось на встрече о Владимире Владимировиче Маяковском, жившем в этой самой «комнате-лодочке»...

Таковыми же зимними вечерами, со своими радостями, болями и думами, только не через парадный гранитный подъезд, а через небольшой дворик входил он в другой, бледно-зеленый, подъезд, поднимался на четвертый этаж, где в коммунальной квартире, разделенной перестанками, жили Бальзины, Левины, Кривцовы. А вот и «комната-лодочка».

Трудно представить даже, как он помещался тут. И если бы до того, как увидеть эту комнату, мне не довелось побывать в таких же рабочих кабинетах Гете, Шиллера, Пушкина, Шевченко, Репина, я бы поразились скромности ее убранства. Как мало, оказывается, надо в жизни тому, кому суждено бессмертие. Не было лишних вещей. Все — самое необходимое. Диван, камин, книжный шкаф, стол. Над массивным двухтумбовым рабочим столом поэта портрет Ленина...

Грудой дел, суматохой явлений день отошел, постепенно стемнев. Двос в комнате.

Я и Ленин — фотографией на белой стене.

Де последних мгновений жизни поэт оставался верным своим же однажды сказанным словам: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...»

С юных лет он мечтал о Человеке с большой буквы. Эта мечта привела его к большевикам, к Ленину. Жизнь вождя, его дело, борьба партии стали идеалом всего самого прекрасного в жизни. Уже в 1920 году Маяковский заявляет: «Я в Ленине мира веру славлю и веру мою». Смерть вождя потрясла его до глубины души. Вера в ленинское дело стала еще сильнее, еще тверже. В суровый день прощания республики Советов с Лениным Маяковский несколько раз становился в ко-

вещи он шел почти всю жизнь. Еще в 1914 году, выступая перед кишиневской публикой, он говорил:

«Современная жизнь идет гигантскими шагами вперед... А между тем то, что призвано отражать жизнь — литература — осталась такой же, какой была сто лет назад; поэт, воспевавший соловьиные песни в зеленой роще на закате умирающего дня, поет о «чистой девушке в белом кисейном платье», с задумчиво устремленными в даль глазами... Но это — песни давно минувших дней, песни, чуждые нашему «аэропланному», «железобетонному», «динамическому» — полному движению века.

Нет, не нужны нам ваши скучные песни: они способны настроить человека на сентиментальный лад, разжалобить, размячить его, а он, человек будущего, должен быть тверд, мужествен, смел, чтобы быть господином, а не рабом жизни».

Статья «Как делать стихи?» писалась на принципиально новом опыте, накопленном в ходе битвы за социализм. Она намечала и новый, труднейший путь «езды в неизвестное». В ней содержалось теоретическое предчувствие того твердого метода, пафосом которого становилась поэзия социалистической действительности в ее революционном развитии. «Слабосильные топчутся на месте и ждут, пока событие пройдет, чтобы его отразить», — говорил он в статье, — «мощные забегают на столько же вперед, чтоб тащить понятие время.»

Все значительное, что было написано Маяковским после этого, — это «езда в неизвестное», в будущее. И все это было для его современников — неожиданно, невообразимо, оценивалось по-разному. И надо было обладать великим мужеством, чтобы отстаивать каждое новое произведение, каждое слово, каждый свой шаг. Маяковский предвидел, что борьбы тут не миновать. Но, выступая в Доме комсомола Красной Пресни, он говорил: «...ввиду моего драчливого характера на меня столько собак вешали и в столько грехах меня обвиняли, которые есть у меня и которых нет, что иной раз мне кажется, уехать бы куда-нибудь и прождать два года, чтобы только ругани не слышать». За этими словами не только усталость легко раненой души, но и призыв к справедливости, желание быть верно понятым.

Он не был новатором ради новаторства, и если изводил тысячи тонн словесной руды, то единого слова ради, — того слова, которое способно приводить в движение «тысячи лет миллионов сердца». И появившийся в это время «Разговор с фининспектором о поэзии» — это не дань конъюнктурной «борьбе школ», а продолжение столбовой дороги русской поэзии, в начале которой такие основополагающие вещи, как «Разговор с Анакреоном» Ломоносова, «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкина, «Поэт и гражданин» Некрасова.

«**Э**ДА в неизвестное» стала в последние годы жизни его путеводной звездой. И тут он не жалел сил. Основное

ра часов аудитория с неослабным вниманием слушала новое произведение даровитого поэта. Иногда чтение прерывалось одобрительными возгласами и аплодисментами.

О чем думал поэт в эти, казалось бы, счастливейшие минуты? Вопрос — не праздный. Дополнило известно, что он думал о главном: понятна ли поэма трудовому народу, найдет ли она отклик в сердцах миллионов? Нам, разделенным с тем сложным временем эпохальными свершениями, нам, с гордостью произносящим ставшие уже крылатыми строки этой поэмы, трудно даже представить, насколько все это было жизненно важно для Маяковского. Чеканная фраза, произнесенная А. В. Луначарским на юбилейной сессии ЦИК СССР: «нет ни одной фальшивой ноты» — в какой-то мере защитила в те дни и поэму «Хорошо!», и самого поэта от обывательских и открыто враждебных нападок. Надолго ли? Газеты чутко фиксировали нарастающее сопротивление «Вечерняя Москва» 15 ноября, после выступления Маяковского в Политехническом музее, в частности, писала: «Никогда еще не проявлялось так отчетливо, как вчера, отношение к поэту обывателя, который за свой целый день считает вправе с высоты своего обывательского величия и в отдельных выкриках и — тем более — в анонимных записках самым вызывающим образом глумиться над поэтом. Наконец, в отдельных репликах и даже в выкриках с эстрады вчера была поставлена под сомнение искренность восторгов Маяковского по адресу Октябрьской революции». Резко определилось и содержание записок, многие из которых и сегодня хранятся в музее: «Маяковский умер...», «Мы разочарованы. Мало нахальства и мало ругательства», «Из каких фондов Соввласти Вы получаете за агитацию?», «Все «Хорошо», но где же поэзия?»...

Обыватель целил в самое сердце поэта. Маяковский с болью и негодованием отвечал: «Я сросся с Октябрьской революцией. Советскую республику я считаю своею. И будь я сейчас даже немощным, безголовым импотентом, и тогда бы я попытался прошепелявить свою поэму в честь Октября...».

Долгая, изнурительная борьба не прекращалась. И не только за поэму. За все новое, что рождалось в жизни, за то будущее, во имя которого поэма и была написана.

В эти тяжкие дни Маяковский обратился к уже испытанному оружию. «Я хочу быть понятой моей страной», «Комната-лодочка» опустела. Поэт читает поэму в Ленинграде, Харькове, Ростове, Новочеркасске, Нахичевани-на-Дону, Армавире, Таганроге, Баку, Тифлисе, Казани, Перми, Вятке... Читает каждый день. К концу 1927 года собрана громада рецензий, 20 тысяч записок. И, наконец, он приходит к радостному для себя заключению: «Я знаю, о чем думает читающая масса».

Из этих поездов, из работы в «Комсомолке» поэт вынес очень четкое представление об обывателе, мещанине. Том самом

мещанине, который ополчился против него и о котором Горький в те дни говорил: «У нас начинает слагаться новый слой людей. Это — мещанин, героически настроенный, способный к нападению. Он хитер, он опасен, он проникает во все лазейки... Литература должна быть теперь еще более революционной...» И всю свою звонкую силу поэт обрушил на этот «новый слой людей», обобщив его в пьесах «Клоп» и «Баня». Он хорошо понимал, что никакими банями «сразу не выпарить бюрократов строй», он понимал, что борьба с ними предстоит долгая и трудная. Но он никогда не переставал верить в силу своего поэтического слова, с первых же дней революции навсегда приравняв его к боевому штыку.

В ОЕВАТЬ пришлось не только с обывателем. Шла драка и на Парнасе. В последние месяцы жизни Маяковский, наконец, был принят в РАПП. Но, как вспоминал Юрий Либединский, приход Маяковского в ряды пролетарской писательской организации был воспринят тогдашним руководством РАППа с некоторой растерянностью: «Мы словно опасались, как бы не пострадала наша утлая посудинка оттого, что на нее вступил такой слон. Ведь его даже не ввели в руководство РАППа, а выбрать Маяковского в правление РАППа следовало бы на этой же конференции». Оперативность была проявлена совсем в другом: выбросили лозунг — «с нами, но не наш». А между тем в интервью журналу «Резец» Николай Тихонов заявил: «Искусство Маяковского направлено прямо в массы. Это величайший поэт нашего времени, достойнейший спутник революции, не убоявшийся никакой «черной» поэтической работы, создавший сатиру советскую, театр (комедийный, буффонадный), блестящую агитку, оду; искусство его обогатило и поэтический язык, и живую речь».

В те дни поэт всерьез готовился к выставке «20 лет работы». Выставкой, как говорил он сам, ему хотелось подтвердить «свое право на существование как писателя революции, для революции, а не как отщепенца». Квартира в Гендриковом переулке опустела — и навсегда. Все хлопоты, связанные с выставкой, пришлось взять на себя. На помощь пришло лишь несколько студентов-художников и литкружковцев. 1 февраля в 6 часов вечера выставка открылась. Народу уйма — но... одна молодежь. Отношение к поэту очень точно зафиксировала заметка, опубликованная в «Комсомолке»: «Бросалось в глаза почти полное отсутствие представителей литературных организаций. Это вызвало обращение собравшихся в редакцию «Комсомольская правда» с протестом, в котором, между прочим, говорится, что только реакционные элементы советской литературы могут «обходить молчанием» общественно-литературную деятельность Маяковского».

Каждому из нас со школьных лет известно, что на открытии выставки Маяковский читал свое последнее произведение — «Во весь голос». С юных лет мы и читаем его во весь голос — весомо, звонко. Но мало кто помнит, что сам Маяковский к этому вечеру был настолько переутомлен, что говорил «страшно устал», и вступление в новую поэму читал по бумажке и через силу. Конечно же, мы правы, чи-

тая «Во весь голос» — во весь голос. И Маяковский, когда сочинял это вступление, не раз пересекал «комнату-лодочку» своим уверенным, широким шагом, не раз сжимал пальцы в кулак и произносил слова в торжественно-высокой тональности. Ведь «Во весь голос» для него — то же, что «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» — для Пушкина.

В тот памятный вечер поэт читал через силу: грубость, холод, уклончивый отзыв, насмешка тяжело ранили его сердце — вовсе не стальное, а самое что ни на есть человеческое — чувствительное и легко уязвимое.

И когда хулиганы-начетчики на вечере у студентов Института народного хозяйства — после публичного выступления поэта — распоясались, Маяковский впервые отступил перед аудиторией. Участник молодежной бригады Маяковского В. И. Славинский записал в протоколе встречи: «Маяковский сходит вниз, садится на ступеньку трибуны, сидит с закрытыми глазами, прислонившись к стенке... Мне стало страшно... Я подумал: «Вот она, голгофа аудитория».

Через несколько дней, как сказал сам поэт, «любовная лодка разбилась о быт...»

ЕЩЕ при жизни, четко определив «место поэта в рабочем строю», свою позицию в яростной литературной борьбе тех лет, Маяковский со свойственным ему мужеством, с болью и негодованием, адресованным тем, кто враждебно относился к нему, к его творчеству, заявил:

Явившись в Це Ка Ка идущих светлых лет, над бандой поэтических рвачей и выжиг, я подыму, как большевистский партбилет, все сто томов моих партийных книжек.

Не мученик, не жертва, а борец, человек высочайшего гражданского подвига — вот кто пришел к нам «в коммунистическое далекое», как живой с живыми говоря, на равных, без всяких скидок.

Мне наплевать на бронзы многопудье, мне наплевать на мраморную слезь. Сочтемся славою — ведь мы свои же люди, — пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм...

Нет в нашей стране человека, которому сегодня не были бы дороги многие стихи и строки поэта. Поэт живет в наших молодых сердцах. Он будет жить и в сердцах следующих поколений. И это происходит оттого, что он всегда современен. Ибо очень точно определил время, когда придет мы — дети коммунизма, Парадом развернув моих странич войска, я прохожу по строчечному фронту. Стихи стоят свинцово-тяжело, готовые и к смерти, и к бессмертной славе.

Смерть — это слабость, это мгновенные жизни. Бессмертие требует борьбы, подвига. Маяковский совершил такой подвиг. И в поэзии, и в жизни.

В. КУШНИРЕНКО.